

УДК 82-312.6

ББК 84.06

DOI 10.51955/2312-1327_2025_3_218

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ГЕРОЕВ И СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ В РОМАНЕ «МУНГЛИ КУЗЛАР» («ГРУСТНЫЕ ГЛАЗА») ХУДАЙБЕРДЫ ТУХТАБАЕВА

*Дилноза Дилишод кизи Сайфуллаева,
orcid.org/0009-0007-5519-629X,
Университет мировой экономики и дипломатии
при Министерстве иностранных дел Республики Узбекистан,
проспект Мустакиллик, 54
Ташкент, 100192, Узбекистан
delmuradova@bk.ru*

Аннотация. В данной статье анализируется роман «Мунгли кузлар» («Грустные глаза») узбекского писателя Худойберды Тухтабоева с акцентом на художественные и психологические приёмы, применённые для раскрытия внутреннего мира ребёнка. Исследование проводится в рамках психоаналитического и социально-психологического подходов, что позволяет глубже понять мотивацию персонажей, особенности их поведения, а также влияние внешней среды на формирование детского сознания. Автор романа, мастерски используя систему образов, символов и контрастов, раскрывает трагизм положения ребёнка в мире, где рушатся традиционные ценности, деградирует мораль общества, а институт семьи утрачивает свою опорную функцию.

Особое внимание уделяется процессу личностного становления главного героя в условиях эмоциональной изоляции, отсутствия родительской заботы и общей духовной опустошённости окружающего мира. Через призму детского восприятия обострённо проявляются социальные проблемы, что придаёт повествованию особую эмоциональную выразительность и силу воздействия на читателя. Роман Тухтабоева рассматривается как важное литературное свидетельство эпохи, отражающее болезненные трансформации общества и судьбы человека в условиях этих перемен.

Ключевые слова: образ, психоаналитика, психологическая эволюция, богатство, семейная трагедия, имущества, социальное неравенство.

PSYCHOLOGICAL EVOLUTION OF CHARACTERS AND SOCIAL STRATIFICATION IN THE NOVEL «MUNGLI KUZLAR» («SAD EYES») BY KHUDOYBERDY TUHTABOYEV

*Dilnoza D. Sayfullaeva,
orcid.org/0009-0007-5519-629X,
University of World Economy and Diplomacy
of Ministry Foreign Affairs the Republic Uzbekistan,
54, Mustakillik avenue
Tashkent, 100192, Uzbekistan
delmuradova@bk.ru*

Abstract. This article analyzes the novel “Mungli kuzlar” (“Sad Eyes”) by the Uzbek writer Khudoyberdi Tokhtaboyev, with a focus on the artistic and psychological techniques used to reveal the inner world of a child. The study is conducted within the frameworks of psychoanalytic and socio-

psychological approaches, which allow for a deeper understanding of the characters' motivations, behavioral patterns, and the influence of the external environment on the formation of a child's consciousness. The author skillfully employs a system of imagery, symbolism, and contrasts to portray the tragic condition of a child in a world where traditional values are collapsing, moral standards are deteriorating, and the family institution is losing its foundational role.

Special attention is given to the protagonist's personal development in a context of emotional isolation, lack of parental care, and the overall spiritual desolation of the surrounding world. Through the lens of a child's perception, social problems become particularly acute, lending the narrative a powerful emotional impact. Tokhtaboyev's novel is viewed as an important literary testament of its era, reflecting the painful transformations of society and the fate of the individual amid these changes.

Key words: image, psychoanalysis, psychological evolution, wealth, family tragedy, property, social inequality.

Введение (Introduction)

Художественная литература служит средством глубокого познания внутреннего мира человека через изображение его душевных переживаний. В этом процессе психологизм выступает как важный эстетический принцип, раскрывающий внутренние противоречия личности посредством художественных образов. Психологизм в литературе – это аналитический подход, сочетающий в себе индивидуальный стиль автора и способы выражения психических состояний и переживаний героев [Rasulova, 2014, p. 30].

Вопросы психологизма в литературоведении были концептуально поставлены в XIX веке русским критиком Н. Г. Чернышевским. В сборнике «Избранные литературно-критические статьи» он глубоко рассматривал роль психологического анализа как средства художественного выражения. В современном узбекском литературном процессе, особенно в детской литературе, данное направление приобретает особую актуальность [Karimov B., 2016, p. 30].

Материалы и методы исследования (Materials and Methods)

При проведении исследования были использованы произведения А. Расулова «G'aroyib saltanat» («Странное королевство») (2012), У. Норматова «Sarguzasht sardori» («Капитан приключений») (2012), а также монография Р. Тулабаевой «Xudoyberdi To'xtaboyev romanlarida bola psixologizmi» («Психологизм образа ребёнка в романах Худойберди Тўхтабоева») (2020). Основными методами исследования являлись психологический метод и биографический метод.

Результаты и обсуждение исследования (Results and Discussion)

В творчестве Худойберды Тухтабоева, в частности в романе «Грустные глаза», психологический подход получил глубокое и выразительное художественное воплощение. Через образ главного героя Зафара автор раскрывает моральные проблемы общества, дефицит семейного воспитания и пагубные последствия стремления к богатству. В формировании Зафара подчёркивается влияние семейной среды, социального давления и искажённой системы ценностей [Tulaboeva, 2020, p. 200].

Анализ образа Зафара в романе позволяет глубже понять внутренние конфликты и психологическую эволюцию героя, опираясь на

психоаналитические теории З. Фрейда и К. Г. Юнга. Зафар – не просто подросток, оказавшийся в водовороте приключений, а представитель сложного психотипа, столкнувшийся с внутренней борьбой, бессознательными желаниями, социальным давлением и духовными потрясениями [Tulaboeva, 2020, p. 300].

Согласно концепции структуры психики, разработанной Зигмундом Фрейдом, личность индивида организована в трёх взаимосвязанных и конфликтующих инстанциях: Ид (Оно), Эго (Я) и Суперэго (Сверх-Я). Эти компоненты составляют основу метапсихологической модели субъекта и обеспечивают аналитическую перспективу для интерпретации как индивидуального поведения, так и художественного персонажа. В рамках анализа внутренней динамики Зафара – персонажа, проходящего путь трансформации – структура фрейдистской триады позволяет глубоко осмыслить мотивации, моральный кризис и последующее становление его идентичности.

Ид: Импульсивная природа влечений

На первичном уровне развития Зафара доминирует инстанция Ид – область бессознательного, определяемая Фрейдом как хранилище «наследственных, врождённых, инстинктивных составляющих личности» [Фрейд, 1990, с. 7]. У Зафара это проявляется в форме гипертрофированного стремления к материальному и статусному: «жажда богатства», «импортной одежды», признания через внешние символы успеха (дорогие подарки, элитные связи). Эти желания – проявления влечений жизни (Эроса) – функционируют вне логики реальности и морали, как того требует природа Ид, подчинённого принципу удовольствия. Подобно тому, как Фрейд описывает Ид как «тёмное, недоступное, бурлящее поле первичных побуждений» [Фрейд, 1990, с. 25], ранний Зафар действует импульсивно, не осознавая последствий и не соотносясь с этическими нормами.

Эго: Конфронтация с реальностью и начальная деконструкция Я

Резкий перелом в нарративной линии Зафара наступает с разоблачением преступного прошлого его родителей и собственным тюремным заключением [Normatov, 2012, p. 150]. Эти события активизируют Эго – ту часть психики, которая функционирует в согласии с принципом реальности, осуществляя медиативную функцию между Ид и внешним миром. Эго, по Фрейду, «представляет собой ту часть Ид, модифицированную непосредственным воздействием внешнего мира» [Фрейд, 1990, с. 14]. Зафар, лишённый внешнего блеска, сталкивается с собственным «разоблачением»: его прежнее представление о себе как о «великом» оказывается иллюзорным. Начинается болезненный процесс распада нарциссической идентичности. Этот опыт можно сопоставить с фрейдистской идеей «реальности как травмы», когда субъект вынужден пересмотреть фикции, питающие его ложное Я.

Суперэго: Формирование нравственного идеала и символическая смерть Ид

На последнем этапе личностной трансформации в психике Зафара активизируется Суперэго – инстанция морального суждения, носитель интериоризированных родительских и социальных норм. Фрейд определял

Суперэго как «внутреннего наблюдателя», связанного с функцией вины и стыда [Фрейд, 1990, с. 33]. У Зафара данная структура разворачивается через идентификацию с его братом Акбаром – фигурой, символизирующей нравственную зрелость, честность и аскетическую стойкость. Акбар, в противоположность Зафару, действует не из желания признания, а из чувства внутреннего долга. Финальное высказывание Зафара: «Теперь я – ты. Я Акбар Каримов» приобретает психоаналитическую глубину как акт окончательной идентификации с моральным идеалом – интериоризации Суперэго. Это не просто внешняя декларация, но результат символической смерти прежнего Я, подчинённого Ид.

Аналитическая психология Карла Густава Юнга предлагает фундаментальный понятийный аппарат для анализа глубинных мотиваций литературных персонажей. Особую значимость в рамках этого подхода представляют архетипические структуры коллективного бессознательного, в частности – образы Тени и Самости.

Архетип Тени, по Юнгу, репрезентирует совокупность подавленных аспектов личности, не принимаемых сознанием и вытесняемых в бессознательное. Эти аспекты, как правило, противоположны доминирующим установкам Я и несут в себе как деструктивный, так и компенсаторный потенциал. В личности Зафара стремление к власти, доминированию и обогащению можно интерпретировать как проекцию его Тени, активированной в ответ на социальную и личную фрустрацию. Юнг подчёркивает: «Тень – это прежде всего бессознательное... она склонна к проекции: всё, что человек не желает признать в себе, он проецирует на других» [Yung, 2019, p. 8]. Однако в случае Зафара имеет место не вытеснение, а осознанная идентификация с теновыми аспектами, что создаёт амбивалентную, но потенциально продуктивную основу для дальнейшей личностной эволюции.

Движение героя к Самости – архетипическому центру и целостности психики – становится очевидным в финале произведения, где он делает моральный выбор, отказываясь от прежнего образа жизни. Согласно Юнгу, Самость представляет собой «центр личности, включающий сознание и бессознательное; она есть точка, в которой они интегрируются» [Yung, 2019, p. 14]. Это состояние возможно лишь через процесс индивидуации – последовательную интеграцию архетипических содержаний, прежде всего Тени. Таким образом, Зафар проходит путь от инфляции Я – чрезмерной отождествлённости с персоной и эго-иллюзиями – к более целостному, этически осознанному субъекту.

Такое прочтение позволяет интерпретировать судьбу Зафара не только в рамках этической драмы, но и как архетипическое путешествие героя, аналогичное нисхождению в бессознательное – в духе юнгианской героической модели, основанной на конфронтации с Тенью и символическом воссоединении с Самостью. Эта трансформация выражает универсальный экзистенциальный паттерн, обнаруживаемый как в мифах, так и в индивидуальной психобиографии [Yung, 2019, p. 10].

В романе посредством душевных переживаний, внутренних монологов и диалогов главного героя Зафара мастерски изображается постепенное изменение его личностного и социального сознания – то есть его психологическая эволюция. Изначально Зафар предстает как хвастливый подросток, склонный к сравнительному мышлению, который оценивает себя выше своих сверстников, считая материальное превосходство главным жизненным ориентиром [Rasulov, 2008, p. 100]. Он размышляет следующим образом:

«Наш доход, по словам отца, иногда превышал десять тысяч сумов. Вы слышите? Я сказал – десять тысяч! Отец Илхома – водитель автобуса, получает не больше ста восьмидесяти сумов... А у нас – десять тысяч! Думая об этом, я говорил себе: «Нет, вы всё равно не сможете быть выше нас...» До тюрьмы я носил только импортную одежду. Импорт делает человека более значительным, культурным...».

Этот фрагмент отражает мировоззрение Зафара и его представления о социальной стратификации и имущественном неравенстве. Он сравнивает семейный доход с доходами других, воспринимая материальное благополучие как маркер социального статуса. С точки зрения психологического анализа, подобное восприятие характерно для начальных этапов формирования социальной идентичности и самооценки.

Его убеждение в том, что «импортная одежда делает человека культурнее» – отражение влияния социальных стереотипов, основанных на внешнем облике. Здесь прослеживается связь между потребительской культурой, символическим капиталом и социальным статусом. Зафар ощущает свою принадлежность к более высокой социальной прослойке не только через богатство, но и через внешний имидж.

В контексте романа эти строки направлены на освещение проблемы социальной несправедливости. Социальное неравенство – это диспропорциональное распределение экономических, культурных, политических и других ресурсов между людьми. С социологической точки зрения оно выражается в существовании классовых различий, систем стратификации и социальной иерархии. Высказывания Зафара о «десяти тысячах» и «импортной одежде» представляют собой психологическое выражение этих процессов.

Через образ Зафара автор раскрывает проблему социальной несправедливости не только как внешнюю систему, но и как внутреннее, психологически обусловленное явление, формирующееся в сознании человека. Постепенное осознание Зафаром социальных реалий через жизненные испытания отражает его личностный рост и трансформацию общественного сознания [Tulaboeva, 2020, p. 210].

Психологическая эволюция образа Зафара в романе отображается поэтапно.

1. Начальный этап – чувство превосходства и богатства

В начале романа Зафар гордится богатством своей семьи, считает себя выше сверстников. Его речь насыщена акцентами на финансовом превосходстве.

На этом этапе Зафар воспринимает социальное неравенство как нечто, играющее ему на руку, и не испытывает потребности в духовном росте.

2. Этап кризиса – семейные трагедии и социальные удары

Отец оказывается в тюрьме, мать умирает, семейное имущество конфискуется. Зафар переживает тяжелые душевные потрясения, испытывает постоянное внутреннее давление. Он оказывается между двумя мирами: воспоминаниями о былом богатстве и нынешним унижением. Из-за утраты душевного равновесия он попадает в психиатрическую лечебницу.

3. Этап внутренней борьбы – сомнения и самоосознание

Зафар сталкивается с серьезной внутренней борьбой: между желанием отомстить и человечностью, совестью, честностью, которую олицетворяет его брат. На этом этапе он глубже осознаёт нравственные ценности, мучается угрызениями совести. Это – переломный момент в его духовно-нравственной трансформации.

4. Этап нового облика – перемена и обновление

В конце романа Зафар отказывается от прежнего образа жизни. В образе брата Акбара он видит символ честности и чистоты. Его внутренний монолог *«Теперь я – ты, Акбар Каримов»* говорит о полном отказе от старого «Зафара» и выборе нового пути – жизни, основанной на честном труде. Это выражение полной духовной трансформации и нравственного возрождения.

Эволюция Зафара – это не только внутренняя метаморфоза одного героя, но и обобщённое выражение социальных влияний, стремления к богатству и статусу, а также моральных страданий, возникающих в противостоянии с этическими ценностями. Через этот образ автор затрагивает актуальные темы: социальное неравенство, моральный упадок и ценность честности [Rasulov, 2009, p. 50].

Особенно ярко показано, как Зафар наслаждается возможностью унижить одноклассников с высоким уровнем знаний, используя своё богатство:

«Отличники в нашем классе были влюблены в свои знания, вели себя высокомерно и хвастались. Мне это совсем не нравилось, меня это раздражало, я чувствовал себя униженным. Гордость переполняла меня, и я не знал, куда себя деть. Когда мы отмечали дни рождения... я давал отпор этим несчастным отличникам. Один приносил книжку, другой – дешевый, вонючий одеколон за один сум двадцать тийн. А я дарил самый большой подарок. У всех глаза начинали блестеть. Мне первому давали слово для поздравления и сажали рядом с именинником. Хозяева довольны, гости довольны. Ну а как же – хороший подарок всем приятен. Мама всегда говорила: “То, что ты дал – угодно Богу”. И была права. Подарок смягчает любое сердце и пробуждает сострадание в душе» [То‘хтабоев, 2010, p. 13].

Однако впоследствии горькие жизненные испытания заставляют Зафара осознать собственные ошибки, что приводит к формированию в романе образа трагического героя [Normatov, 2012, p. 140]. Зафар теряет обоих родителей одновременно: отец оказывается в тюрьме, а мать умирает от сердечного приступа. Этот момент отражает и биографические мотивы самого автора: герой, как и писатель, остаётся без родительской любви [Normatov, 2021].

Контрастный анализ образов Зафара и Акбара на основе их психологических состояний, нравственных позиций и социальных ценностей является важным художественным приёмом, раскрывающим основной идейный пласт романа «Грустные глаза». Через эти два образа автор выражает конфликт между общественным сознанием, моральными убеждениями и личностным выбором. Зафар и Акбар – носители противоположных мировоззрений, символы разных путей личностной эволюции.

Брат Зафара, Акбар, абсолютно иной – духовно сильный, любящий книги, терпеливый персонаж. Несмотря на свою инвалидность, он преподносится как эталон «психологического здоровья». Он символизирует моральное превосходство в обществе. Контрастное изображение Акбара и Зафара через противоположные качества усиливает идейную глубину произведения. Почти каждый их диалог построен на противопоставлении [Tulaboeva, 2020, p. 220].

1. Сравнительный анализ душевной уравновешенности и силы воли

Образ Зафара наполнен эмоциональной нестабильностью, импульсивностью и подростковой верой в то, что социальный статус доказывает личную значимость. В противоположность ему Акбар, несмотря на свою инвалидность, проявляет внутреннюю устойчивость, терпение, глубину мысли и способность контролировать эмоции. Его душевное здоровье проявляется в психологическом равновесии, аналитическом подходе к происходящему и способности сохранять самоконтроль.

В психологии существует понятие резильентности – способности быстро восстанавливаться после потрясений. Именно в образе Акбара эта черта находит наглядное выражение. Получив тяжёлую новость о заключении родителей, он не теряет самообладания, а, напротив, берёт себя в руки и утешает брата, становится для него духовной опорой и одновременно примером для читателя [Normatov, 1980, p. 25]. Даже услышав о заключении родителей, Акбар не паникует, а старается сохранить спокойствие и утешить младшего брата:

– Брат, может, позвоню на работу отцу? – мысль эта мне пришла по душе.

– Нет... ни в коем случае... Если милиция уже пришла, телефон может быть под контролем. «Надо терпеть», – сказал мой брат, наконец выплеснув наружу всю накопившуюся печаль. – Может, кто-нибудь ещё придёт. Хотя я сомневаюсь... И мать, и отец – одновременно? Лучше подождём. Ещё попадём впросак, как жена того самого Аббосхона. Слышал ведь, да? [To‘xtaboyev, 2010, p. 21].

2. Различие в нравственных ценностях и моральных позициях

Зафар изначально признаёт жизненный путь, основанный на материальных ценностях. Для него богатство, одежда, социальный статус – это критерии превосходства. В противоположность ему, в образе Акбара доминируют нравственное сознание, критическое мышление и человеческая чистота. Он способен критически анализировать действия отца:

– Ну вот, – сказал он, немного придя в себя.

– Что ты хотел сказать? – спросил я.

– Я о папе... О том, что он брал взятки, если ты понимаешь.

– *Один мой отец, что ли? Все берут.*
– *Может, другие берут с совестью.*
– *Значит, по-твоему, мой папа бессовестный?*
– *Зафарджон, братишка, ты многое ещё не понимаешь. Ты умный, но всё равно не понимаешь, – на мгновение брат замолчал, вздохнул и продолжил:*

– *Может быть, и правда папу арестовали. А может, всё это ложь. Может, это сделали специально, чтобы нас обмануть... Но, мой умный брат, подумай сам. В папиной работе было много грязного. Эта беда случилась бы рано или поздно. Может, сегодня это просто паника. Но завтра это может оказаться правдой [То‘хтабойев, 2010, р. 21].*

В этом диалоге Акбар предстает как персонаж, способный осмысленно, без эмоций анализировать действительность. Он стремится увидеть «суть», в то время как Зафар увлечён «видимостью». С этой точки зрения Акбар может быть проанализирован как эпистемологический образ (основанный на знании), а Зафар – как феноменологический (основанный на чувствах) [Sayfullayeva, 2022].

3. Контраст между осознанными и неосознанными действиями (согласно теории Фрейда)

В психоаналитической теории Фрейда Зафар – это личность, находящаяся в конфликте между Ид и Эго, в то время как Акбар символизирует Суперэго – внутренний моральный контроль и идеал. Акбар выступает в роли духовного наставника не только для Зафара, но и для читателя. Каждое его слово – урок совести и веры для сознания Зафара. В романе отчётливо выражены его духовная зрелость и способность понимать жизненные истины. Он признаёт существование «состояния отрицания» в душе человека, но не скрывает правды. Это позволяет интерпретировать его образ как образ внутреннего духовного учителя.

4. Контраст как литературный приём

Образы Акбара и Зафара построены на принципе антитезы и являются примером художественного контраста. Через этот приём автор углубляет идейное содержание произведения.

Акбар – это светлое сознание, нравственное превосходство, терпение, духовная сила;

Зафар – воплощение страстного Ид, сомнений и душевных кризисов.

Каждый их диалог помогает читателю глубже прочувствовать противоречие между ценностями и духовным ростом [Karimov, 2016].

Еще одной актуальной проблемой, поднятой в романе, является разрушение семейных ценностей и безразличие родителей к воспитанию детей. Автор разоблачает ложный стереотип, согласно которому богатство решает всё. Ставя материальное благополучие на первое место, родители отдаляются от любви, искренности и душевной близости, что приводит детей к душевной пустоте и нравственному кризису. В романе Якутхон и Саидхон озабочены лишь накоплением богатства и внешним благополучием своих детей. Зафар, Зуфар и Нигора – дети, придающие значение внешности, опрятные и красивые, но духовно бедные [Normatov, 1980, р. 25].

В образе Нигоры, наряду с детской непосредственностью и эстетической восприимчивостью, отражается и формирующаяся система социально-материальных ценностей. Через этот персонаж Худайберды Тухтабоев поднимает важную социальную проблему – нравственное воспитание молодёжи, в частности, отношение к страсти и собственности. В следующем диалоге проявляются личные взгляды Нигоры, стремление защитить имущество и страсть к материальным благам:

– Мы не преступники, правда же, мамочка? Мебель переписали, не заберут же её? Мамочка, не отдавай её, ладно? Ты же купила арабскую мебель специально для меня... [То‘хтабоев, 2010, р. 55].

В этих строках чётко прослеживается формирующийся инстинкт собственности. Девочка, утверждая, что они не преступники, одновременно выражает тревогу за сохранность имущества, которое воспринимает как семейную собственность, принадлежащую лично ей. Здесь проявляется чувство собственности, зарождающееся в общественном сознании, и аффективное (эмоциональное) отношение к вещам [Tulaboeva, 2020, р. 100].

Согласно педагогическим и психологическим исследованиям, отношение к собственности у детей формируется под влиянием семьи и социальной среды. В частности, в работах В.С. Мухиной и Л.И. Божович, посвящённых детской психологии, отмечается, что чрезмерная привязанность к материальному у детей – это ранняя форма алчности, которая часто отражает оценки и установки взрослых. Фраза Нигоры «Ты же купила арабскую мебель для меня... все так хвалили...» может быть интерпретирована как усвоение ею взрослой оценки.

Кроме того, её реплика «Разве половина украшений не моя, ты же ведь говорила?» свидетельствует о формирующемся в подсознании праве на обладание имуществом. Она рано начинает осмысливать такие понятия, как наследство, собственность и право владения. Это явление связано с процессом усвоения социальной и экономической иерархии детьми в современном обществе.

Проблема нафса (низменные желания) в данном контексте приобретает особое значение.

В исламской этике нафс трактуется как сила, побуждающая человека к злу, чрезмерным желаниям, в особенности – к стремлению к мирским благам. Сильная привязанность Нигоры к мебели и украшениям является типичным проявлением подобного состояния нафса. Через это автор побуждает читателя задуматься о сложных противоречиях между социальной несправедливостью, материальными богатствами и нравственными ценностями.

В образе Нигоры переплетаются детское наивное восприятие и зарождающиеся страсти, связанные с нафсом. Автор с большой художественной тонкостью раскрывает через этот образ не только психологический портрет одной девочки, но и влияние морального упадка в обществе на детское сознание [Rasulov, 2002, р. 20].

Заклучение (Conclusions)

Таким образом, в романе «Грустные глаза» посредством приёмов психологизма – внутреннего монолога, эмоционального описания, диалогов и психологии образов – раскрываются изменения, происходящие в сознании детей. Произведение служит важным инструментом не только для детской литературы, но и для освещения существующих социальных и моральных проблем в обществе [Rasulova, 2023, p. 50].

Роман Худайберды Тухтабаева «Грустные глаза» является ярким примером психологического подхода в современной детской литературе. В нём в художественной форме отражены детская психология, влияние социальной среды и личностные трансформации. Произведение представляет собой значимый литературный источник для создания интеллектуальных героев, нравственного воспитания читателя и выявления общественных проблем.

Библиографический список

- Фрейд З. Я и Оно / Зигмунд Фрейд; пер. с нем. В.Ф. Полянского. — Москва : МЕТТЭМ, 1990. — 54 с.
- Karimov B. Ruhiyat alifbosi. Toshkent: G'afur G'ulom nomidagi NMIU, 2016. pp. 25-40.
- Karimov N. Bolalar adabiyotining kecha va buguni // Til va adabiyot ta'limi, 2016. № 5. С. 10-12.
- Normatov U. "U bolalarning sirdoshi, chin do'sti edi". Adabiyotshunos Umarali Normatov — do'sti Xudoyberdi To'xtaboyev haqida. 2021. Available at: <https://daryo.uz/2021/04/05/u-bolalarning-sirdoshi-chin-dosti-edi-adabiyotshunos-umarali-normatov-dosti-xudoyberdi-toxtaboyev-haqida> (accessed 4 April 2025).
- Normatov U. Sarguzasht sardori. Toshkent: Adib, 2012. 210 p.
- Normatov U. Talant tarbiyasi. Toshkent: Yosh gvardiya, 1980. pp. 25.
- Rasulov A. A. G'aroyib saltanat. Toshkent, Adib, 2008. 140 p.
- Rasulov A. Hozirgi o'zbek tanqidchiligidahilil va talqin muammosi. Toshkent, 2002. 20 p.
- Rasulov A. Betakror o'zlik. Toshkent: Mumtoz so'z, 2009. pp. 70.
- Rasulova U. Hozirgi adabiy jarayon. Toshkent: Akademnashr, 2023. pp. 50.
- Rasulova U. Hozirgi adabiy jarayon: badiiy nasr poetikasida ritm. Toshkent: Mumtoz so'z, 2014. 40 p.
- Sayfullayeva D. Xudoyberdi To'xtaboyevning "Mungli ko'zlar" asari haqida mungli satrlar // International scientific journal «Science and innovation». 2022. Series B. Vol. 1, Issue 8. pp. 2265-2267. DOI 10.5281/zenodo.7445242
- To'xtaboyev X. Mungli ko'zlar. Toshkent: Yangi asr avlodi, 2010. 310 p.
- Tulaboeva R. Xudoyberdi To'xtaboev romanlarida badiiy psixologizm. Toshkent: Nurafshon business, 2020. 320 p.
- Yung K. The Archetypes and the Collective Unconscious. Litres, 2019. pp. 7-15.

References

- Freyd, Z. (1990). *The Ego and the Id [Ya i Ono]*. MPO "METTEM", pp. 7–50. (In Russian)
- Karimov, B. (2016). *Alphabet of the soul*. Tashkent, pp. 25–40. (In Uzbek)
- Karimov, N. (2016). *Children's literature yesterday and today*. *Journal of Language and Literature Education*, (5). pp. 10-12. (In Uzbek)
- Normatov, U. (1980). *Talent education*. Tashkent: Yosh gvardiya, pp. 25. (In Uzbek)
- Normatov, U. (2012). *Adventure Captain*. Tashkent: Adib, 210 p. (In Uzbek)
- Normatov, U. (2021). "U bolalarning sirdoshi, chin do'sti edi": Adabiyotshunos Umarali Normatov — do'sti Xudoyberdi To'xtaboyev haqida. Available at: <https://daryo.uz/2021/04/05/u-bolalarning-sirdoshi-chin-dosti-edi-adabiyotshunos-umarali-normatov-dosti-xudoyberdi-toxtaboyev-haqida> (accessed 4 April 2025). (In Uzbek)

- Rasulov, A. (2002). *The problem of analysis and interpretation in contemporary*. Tashkent, 20 p. (In Uzbek)
- Rasulov, A. (2009). *Unique identity*. Tashkent: Mumtoz soʻz, pp. 70. (In Uzbek)
- Rasulov, A. A. (2008). *Strange kingdom*. Tashkent: Adib, 140 p. (In Uzbek)
- Rasulova, U. (2014). *The current literary process: Rhythm in the poetics of literary prose*. Tashkent: Mumtoz soʻz, 40 p. (In Uzbek)
- Rasulova, U. (2023). *Current literary process*. Tashkent: Akademnashr, pp. 50. (In Uzbek)
- Sayfullayeva, D. (2022). *Sad lines about "Sad Eyes" by Khudoyberdi Tukhtaboyev*. *International Scientific Journal Science and Innovation*, Series B, Vol. 1, Issue 8, pp. 2265–2267. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7445242>
- Toʻxtaboyev, X. (2010). *Sad Eyes*. Tashkent: Yangi asr avlodi, 310 p. (In Uzbek)
- Tulaboeva, R. (2020). *Artistic psychologism in the novels of Khudoyberdi Tokhtaboyev*. Tashkent: Nurafshon business, 320 p. (In Uzbek)
- Yung, K. (2019). *The Archetypes and the Collective Unconscious*. Litres, pp. 7–15.